

УДК 94 (47)+355/359

**Заключенные лагеря
военнопленных № 97
НКВД СССР в
воспоминаниях очевидцев,
или еще раз к вопросу
об исторической памяти**

*И. И. Ханипова,
Е. Г. Кривоножкина,*

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН РТ, Казанский федеральный
университет, г. Казань, Республика
Татарстан, Российская Федерация*

**Prisoners of war camp
no. 97 of the USSR NKVD
in the reminiscences of
eyewitnesses, or revisiting
historical memory**

*I. I. Khanipova,
E. G. Krivonozhkina,*

*Sh. Mardzhani Institute of History,
the Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan, Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Статья посвящена оценке эго-документально-го наследия военнопленных немцев о пребывании в г. Елабуга в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания исследователей – источники личного происхождения, опубликованные мемуары и материалы интервью немецких военнопленных лагеря № 97 НКВД СССР, базировавшегося на территории Республики Татарстан. Цель исследования – на основе эго-документов рассмотреть проблемы личного взаимодействия (контакта), его особенностей и форм. Изучение данной темы позволяет проследить характер и динамику представлений различных категорий советских граждан (взрослых, детей, военных, обывателей) и пленных немцев в отношении друг друга.

Abstract

The article is devoted to the evaluation of the ego-documentary heritage of the German prisoners of war on their presence in Yelabuga during the Great Patriotic War. The researcher's focus of attention is personal sources, published memoirs and materials of interviews with German prisoners of war of camp no. 97 of the USSR NKVD which was located in the territory of the Republic of Tatarstan. The goal of the research is to consider the problems of personal interaction (contact), its peculiarities and forms based on ego-documents. The study of this topic allows us to trace the nature and dynamics of visions of various categories of Soviet citizens (adults, children, the military, ordinary people) and captive Germans in respect of each other.

Ключевые слова

Воспоминания, Великая Отечественная война, военнопленные, дети, подростки, г. Елабуга, Татарская АССР.

Keywords

Reminiscences, the Great Patriotic War, prisoners of war, children, adolescents, Yelabuga, the Tatar ASSR.

Благодарность

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 17-11-16014. Производственные от-

ношения в советское время: содержание и трансформационные процессы. 1920-1980-е гг. (на примере Татарстана).

Acknowledgement

The article is funded by RGNF no. 17-11-16014. Production relations in the Soviet time: content and transformation processes. 1920-1980ss (the case study of Tatarstan).

Обращение к источникам личного характера в данной теме не случайно, поскольку, как отмечала исследовавшая социально-психологический феномен фронтового поколения Е. С. Сенявская, они позволяют воссоздать не только индивидуальность, неповторимый «живой образ» отдельного человека, но и «дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий...»¹. Проблемы влияния войны на психику, душу и дальнейшую судьбу человека, рассматриваемые в работах немецкого историка Л. Нитхаммера, также изучаются через прикосновение к «личной, субъективной и эмоционально окрашенной памяти военного поколения немцев»². Выявляя взаимосвязи между памятью и историей, коллективными и индивидуальными воспоминаниями, Л. Нитхаммер пишет, что «с помощью методов устной истории основанная на вытеснении или забвении коллективная память может быть разрушена или поставлена под сомнение, стоит только обратиться к индивидуальным воспоминаниям очевидцев»³. Эмоциональная нагрузка документально-биографических текстов немецких военнопленных, бывших в лагерях на территории СССР, в т. ч. и в Елабуге, не только свидетельство о прошедших событиях, но и своеобразная «книга памяти для оставшихся в живых»⁴.

Качественным методом исследования в культурной и социальной антропологии, передающим исторический опыт конкретного рассказчика, воссоздающим атмосферу описываемых лет, признано и интервьюирование. Как справедливо отметила известный специалист по проблемам устной истории Т. К. Щеглова, основным источником информации любого интервью является человеческая память. Именно особенности коллективной и индивидуальной исторической памяти обуславливают сильные и слабые стороны устного исторического источника, являются пищей для размышления историка⁵. Об актуальности и интересе к теме свидетельствуют и периодически появляющиеся в последние годы материалы о военнопленных и многочисленные к ним комментарии в средствах массовой информации⁶.

Многим елабужанам известна книга немецкого антифашиста Отто Рюле. Рассказывая о своем нелегком пути в елабужский лагерь, размышлениях в товарном вагоне о судьбе немецких солдат и офицеров, О. Рюле писал о душевном и физическом самочувствии, о более человеческом отношении к пленным со стороны советских конвоиров, чем переводчиков из своих же пленных. «Станция называлась Кизнер... Сюда мы прибыли утром на девятые сутки пути. Подталкиваемый сзади другими пленными, я в числе первых спрыгнул на землю. Спрыгнул и чуть было не упал: от слабости закружилась голова... Остальные пленные чувствовали себя не лучше. Только сейчас, оказавшись на солнечном свету, мы по-настоящему рассмотрели друг друга. Бледные, заросшие, с ввалившимися щеками, в помятой грязной форме, многие из нас походили на стариков... Мы шли, механически переставляя ноги. Время от времени кто-то стонал, кто-то валился в снег. Я чуть было не наступил на одного упавшего. Мне показалось, что он умер. Тех, кто уже не мог идти, сажали на сани, которые замыкали наше шествие...

Иногда кто-нибудь в колонне падал и уже не мог встать. К упавшему тотчас подсакивал наш переводчик и начинал орать, а то и пинал ногами.

– Проклятая свинья, – выругался на переводчика ветеринар. – Я еще ни разу не видел, чтобы красноармеец ударил пленного, а этот мерзавец лупит почем зря...

И действительно, советские солдаты, сопровождавшие колонну пленных, вели себя очень корректно. Красноармейцы подгоняли нас лишь криками “Давай-давай”, и не больше. А если какой-нибудь пленный падал, русский солдат подходил к немцу, помогал ему встать, а потом докладывал своему офицеру о случившемся. И обессиленный немец получал место на санях!»⁷.

Остались в памяти О. Рюле и первые ощущения от встречи с простыми жителями «загадочной России»: «Колонна военнопленных медленно двигалась по заснеженной улице. Для детишек наше шествие было настоящей сенсацией. Смеясь и что-то крича, они провожали нас до самого последнего дома. Попадались на пути и взрослые – в основном женщины и старики. Они смотрели на нас молча. На их лицах я не увидел выражения ни ненависти, ни триумфа. Наверное, у нас был слишком жалкий вид. Вскоре Кизнер остался позади»⁸.

Встречные воспоминания о Елабуге военных лет, о прибытии немецких военнопленных на станцию Кизнер написал в конце 1990-х гг. В. П. Рожин. «Март 1943 года. Разгромили немцев под Сталинградом. В один из дней марта нас, семиклассников, человек 40-50 вызвали в район с лошадьми. Там узнали, что мы должны сопровождать колонны пленных немцев, которых везли в Елабугу, что там организовали лагерь для пленных.

И вот мы, ребяташки, здесь, глубоко в тылу, видели настоящих живых фашистов, которые жгли наши города, убивали людей, и вот их мы должны были сопровождать. В нашу задачу входило подбирать на сани ослабевших немцев. По дороге некоторые из немцев, знавшие русский язык, спрашивали про город, куда их везут, будут ли к ним там хорошо относиться? Они боялись, что русские будут мстить. Напрасно боялись... Привезли мы пленных, сдавали в различные помещения города. Одеты они были кто во что, на ногах было что-то вроде лаптей. Худые, грязные, злые. Пройдет немного времени, и они превратятся в сытых, откормленных на елабужских харчах людей»⁹. Его записки ярко передают ощущения «ответственности» за свои новые знания перед односельчанами: «Приехав домой в деревню, я рассказал всем, кто такие фашисты, которых мы сопровождали до Елабуги. Рассказал также, что был в Елабужском педучилище, и что там учат на учителей и что можно будет туда поступить учиться»¹⁰.

Не менее интересна судьба мемуаров другого военнопленного лагеря № 97 – Виганда Вюстера, о перипетиях публикации воспоминаний которого подробно повествует елабужский краевед А. Н. Иванов, уже много лет занимающийся темой военнопленных¹¹. В юбилейные дни победы наших войск в Сталинградской битве в библиотеке Серебряного века г. Елабуги была устроена выставка, представившая рисунки В. Вюстера о елабужском периоде плена, написанные уже после возвращения на родину¹².

Вспоминая отношение русских к военнопленным, заново переживая ужасы долгой дороги в лагерь, В. Вюстер писал: «Путь пролегал через поселки из деревянных домов, которые, со своими декоративными фасадами и резными наличниками, выглядели очень приветливо. Женщины стояли у заборов своих домов, и их лица выражали сочувствие, – во всяком случае, – не ненависть. Кто-то из них протягивал кусочек хлеба, соленый огурец или маринованный зеленый

Рисунки немецкого военнопленного Виганта Вюстера. Из фондов Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

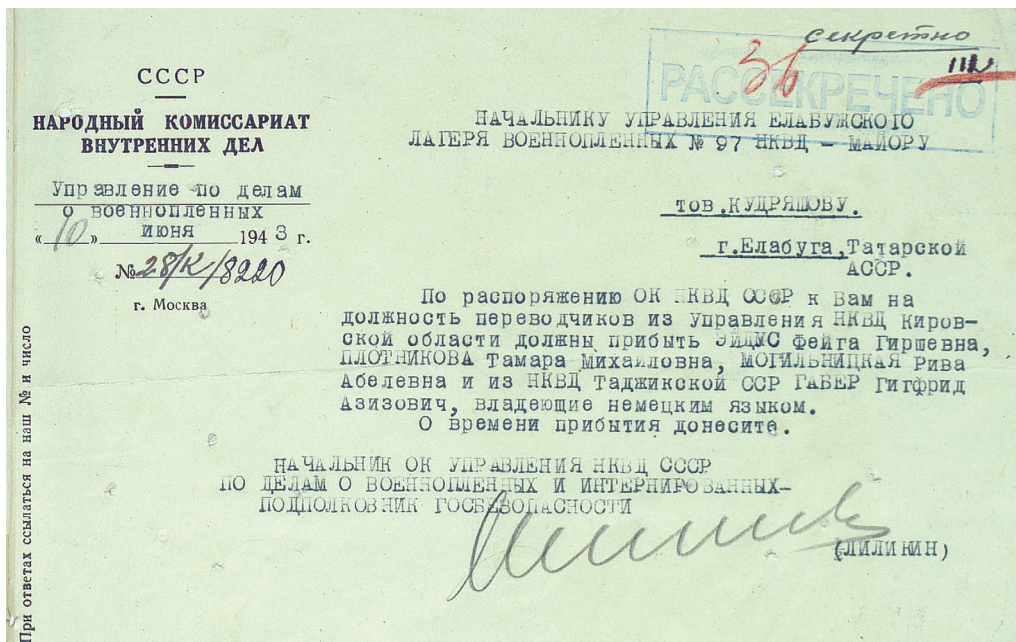
Drawings of German war prisoner Wigand Wüster. From collections of Yelabuga State Historical, Architectural and Literary Museum-Reserve.

помидор, – лакомства, высоко ценимые русскими. Постовые позволяли принимать дары, поскольку довольствия на период похода не хватало»¹³.

Офицеры и солдаты 6-й германской армии Паулюса, попавшие в плен под Сталинградом, стали основным контингентом лагеря военнопленных № 97 НКВД СССР, созданного на основании приказа НКВД СССР от 22 декабря 1942 г. на территории г. Елабуга. Позднее, в 1945-1948 гг. в лагере содержались офицеры японской Квантунской армии и репатрианты¹⁴. Изучение истории повседневности немецких военнопленных, находившихся в лагере № 97, показало, что немаловажным аспектом каждодневного бытия стали личные взаимодействия военнопленных между собой и с сотрудниками лагеря, всевозможные контакты с жителями города и их особенности. Разными представляются взаимоотношения военнопленных в памяти немецких солдат и елабужан. Если очевидцы свидетельствовали о напряженных отношениях между немцами разных званий (см. документ № 1), то в воспоминаниях самих немцев взаимовыручке и поддержке придавалось большое значение: «Постепенно пленные сдружились между собой, как я с Мельцером. Если одному из нас нездоровилось, за него дежурил по комнате или выполнял какую-нибудь работу другой. Как-то я добровольно одолжил Мельцеру свои валенки и теплую куртку, а он, в свою очередь, разрешил мне пользоваться бритвой. Само собой разумеется, очень скоро мы с ним перешли на “ты”»¹⁵.

Для решения организационных, хозяйственных и иных задач в лагере использовались переводчицы, например, преподаватели немецкого языка. Так, в апреле 1943 г. переводчиком учетного отдела стала библиотекарь эвакуированного в Елабугу Воронежского государственного университета Елена Владимировна Каткова, в июле того же года ее перевели в оперативное отделение, а в феврале

Справка о прибытии в лагерь № 97 НКВД СССР переводчицы Т. М. Плотниковой.
Москва, 10 июня 1943 г. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 2, л. 36.

A note of arrival of translator T. M. Plotnikova to the camp no. 97 of the USSR NKVD. Moscow,
June 10, 1943. State Archive of the Republic of Tatarstan, fond R-4934, series 3, file 2, p.36.

1944 г. – в оперативно-чекистский отдел лагеря № 97 НКВД СССР¹⁶. С ноября 1943 г. переводчиком оперативной группы лагерного отделения была Ольга Адольфовна Смолян¹⁷. В 1943-1946 гг. переводчицей в лагере НКВД № 97 работала Тамара Михайловна Гребенщикова, интервью с которой было проведено еще во второй половине 1990-х гг. преподавателем Елабужского пединститута Е. Г. Кривоножкиной совместно со студентами А. Ф. Кавиевым и Р. Р. Нутфуллиным. В памяти Германа Ренча, также побывавшего в плену в Елабуге, сохранились впечатления о работе Т. Гребенщиковой. Рисуя портрет «товарища Тамары», он обратил внимание на «естественность, с которой эта девушка в муках войны непоколебимо выполняла свою работу изо дня в день»¹⁸.

Елабужский период жизни начался для немецких военнопленных с санитарной обработки. В воспоминаниях Т. М. Гребенщиковой упоминалось, что они не хотели лечиться, проходить санитарную обработку, поскольку боялись мести советских людей. Татьяна Александровна Нечаева, выпускница Казанского государственного медицинского института 1941 г. по специальности педиатрия, в своих мемуарах о днях, проведенных в лагере № 97 НКВД СССР в качестве медицинского сотрудника, писала: «мечтала лечить детей, предупреждать их заболевания, а в Великую Отечественную войну пришлось в лагере для военнопленных лечить немцев, а потом японцев»¹⁹. Пока не подготовили лагерь, не навели в нем порядок, весь персонал был переведен на казарменное положение. Работали без учета времени... В амбулатории я проработала до 1948 года вплоть до расформирования лагеря. С каким облегчением и радостью я приступила к работе врача-педиатра»²⁰.

По воспоминаниям молодого врача-педиатра, для работы в лагере были мобилизованы врачи, эвакуированные из Москвы, Ленинграда и других городов. Однако катастрофически не хватало младшего и среднего медперсонала, поэтому вся тяжесть работы легла на плечи врачей. В памяти Т. А. Нечаевой остались неизгладимые впечатления от первой встречи военнопленных с медицинским персоналом лагеря: «В конце февраля и начале марта 1943 г. в наш лагерь прибыла большая партия военнопленных немцев из частей, разгромленных под Сталинградом. Горе-завоеватели, когда-то грозившие нам молниеносной победой и гибелью, имели жуткий вид: грязные, оборванные, истощенные-дистрофики. Были среди них и больные сыпным тифом, дизентерией и другими заболеваниями. Появились больные сыпным тифом и среди служащих лагеря, медицинского персонала. Заболела и я.

Пленные, особенно первой принятой партии, настроены крайне негативно, враждебно. Смотрят на нас с недоверием, отказываются идти в баню, принимать лекарства, делать инъекции. Они боялись расплаты за свои злодеяния и насилие, во всем видели злой умысел. Ждали возмездия. Как говорится: мерили на свой аршин. Трудности в работе создавало незнание нами немецкого языка. А немцы, зная русский, скрывали это»²¹.

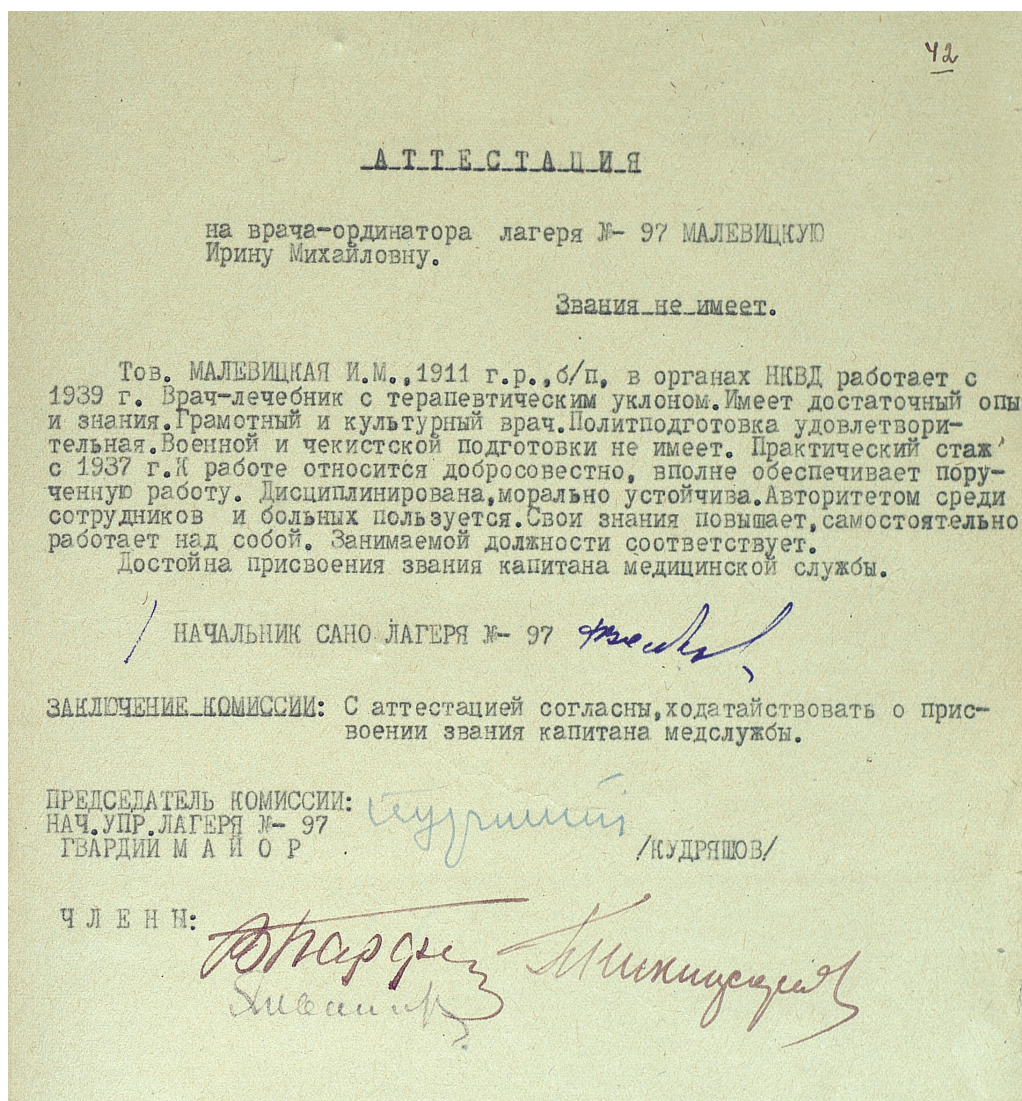
Неполнота кадрового состава лагеря военнопленных № 97 НКВД СССР и его участков подтверждается и материалами из Государственного архива Республики Татарстан. В секретном донесении руководства лагеря начальнику финотдела НКВД ТАССР капитану госбезопасности Шлеймеру содержалась просьба о разрешении принять на временную работу с марта по май 1943 г. дополнительно к штатному расписанию двух врачей, 10 медсестер, 16 санитарок, трех поваров, одного пекаря и шесть складских рабочих на постоянной основе. Такая необходимость объяснялась тяжелым кадровым голодом в связи с отсутствием прикомандированных солдат для хозяйственных работ и наличием

в лагере массовых эпидемических заболеваний: «Огромное количество больных военнопленных офицеров в лагере (свыше 400 человек) не представляется возможным обслужить наличным штатным персоналом», – писал заместитель начальника лагеря Парфенов²². Эпидемии способствовала и элементарная теснота – вместо положенных по норме 2 м² на человека, жилые помещения лагеря позволяли выделить лишь 1,3 м² на одного военнопленного²³. К 1 октября 1943 г. ситуация с комплектованием хозяйственных и медико-санитарных кадров не изменилась. При штате врачей-ординаторов – шесть человек, медсестер – 12 человек и санитаров – шесть человек, фактически в лагере имелось три врача, девять медсестер и три санитаря. Свободными оставались вакансии второго начальника амбулатории и врача-лаборанта. На 1 января 1944 г. врачей насчитывалось 12 человек, из них мужчин всего двое. По штату же полагалось 17 докторов. Всего количество медперсонала должно было составлять 38 человек, фактически – 33 человека²⁴.

Елабужанка З. Ш. Камаева, работавшая фельдшером медсанчасти в одном из отделений лагеря, рассказывала об отношении к военнопленным: «Относились не как к фашистам, а как к людям, которые не по собственной воле взяли оружие в руки. А если посмотреть в целом, то мы к военнопленным неплохо относились. Они от нас доброжелательными уехали»²⁵. Действительно, сострадание и милосердие врачей и сестер сделали свое дело. Со временем отношение заключенных к персоналу лагеря изменилось, недаром В. Вюстер, упоминая о «буйстве эпидемии сыпного тифа» и добросовестной работе медперсонала лагеря, оставил описание одного из лагерных врачей: «О нас, дистрофиках, особенно заботилась молодая стройная, миловидная ленинградская врачиха с забавной фамилией Малефицкая, – по крайней мере, я именно так воспринимал ее на слух. Когда она заразилась и страдала так же сильно, как и все пораженные тифом, ей пришлось обрить голову наголо. Мы замечали, как из-под ее канареечно-желтого платка пробивался ежик вновь отраставших после сыпного тифа волос. Все пленные любили “канарейку” за ее необыкновенную заботливость»²⁶. Действительно, согласно архивным материалам врач Ирина Михайловна Малевицкая возглавляла лазарет лагеря военнопленных на 200 человек²⁷.

Практически дословно, повторяют образ доктора И. Малевицкой, воспоминания О. Рюле, заболевшего во время эпидемии сыпным тифом. «Эта молодая, высокая, стройная женщина с темно-вишневыми глазами и черными волосами так же, как и ее коллеги, работала самоотверженно. Она сама заразилась тифом и долгое время находилась в опасности. После выздоровления начальство предложило ей пойти работать в гражданскую больницу, но она решила остаться в лагерном лазарете за толстыми стенами и колючей проволокой. После болезни ее черные волосы вылезли, и она никогда не снимала с головы желтого платка. Пленные называли ее Желтой бабочкой... С каждым днем я чувствовал себя лучше – и физически, и морально. Я видел, с каким упорством и самоотверженностью боролись советские люди за наши жизни»²⁸.

В условиях катастрофической нехватки медперсонала, работа которого в период эпидемии требовала большого напряжения духовных и физических сил, некоторые военнопленные добровольно оказывали помощь заболевшим. Однако, вспоминал О. Рюле, были и такие, кто, имея медицинские навыки, старался увильнуть от неприятной работы санитаря. На фоне таких немцев, не желавших помогать друг другу, доктор Волкова, еврейка по национальности, спасавшая жизни

Характеристика на врача лагеря № 97 НКВД СССР И. М. Малевичскую. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 1, л. 42.

A letter of recommendation for a doctor of camp no. 97 of the USSR NKVD I. M. Malevitskaya. State Archive of the Republic of Tatarstan, fond R-4934, series 3, file 1, p. 42.

сотням немцев, произвела на О. Рюле глубокое впечатление. Рассказывая о словах поддержки и одобрения, элементарного человеческого сочувствия «сестер милосердия», он писал: «Вызвались ухаживать за нами и некоторые жительницы Елабуги. В основном это были уже пожилые женщины с посеребренными волосами. Они не могли без слез смотреть на умирающих, будто умирали их собственные дети»²⁹.

Тем не менее, в мемуарах В. Вюстера встречаются, правда без имен и фамилий, и менее лицеприятные характеристики врачей, в частности, прозванной пленными за громкий голос «медной трубы», допускаящей в адрес заключенных самые разнообразные словесные выражения³⁰.

Борьба медперсонала с эпидемией тифа нашла отражение и в воспоминаниях горожан: «Как и в лагере, очень многие в Елабуге болели тифом. Мама Людмилы работала парикмахером. А парикмахеров водили в концлагерь, чтобы постричь военнопленных. Маленькой Людмиле тоже приходилось ходить с мамой в лагерь. И ее мама, и сама Людмила заразились тифом. Вспоминая о лагере военнопленных, Людмила Васильевна рассказывала о врачах, которые работали в концлагере, о том, что это были удивительные, самоотверженные люди, которые практически все переболели тифом»³¹.

В годы военного лихолетья для заключенных лагеря главной мечтой оставалась еда. «Желание хоть раз наестся досыта не покидало нас и в Елабуге, – писал О. Рюле. – Трижды в день нам выдавали по двести граммов черного хлеба, небольшую порцию масла, немного сушеной или соленой рыбы и несколько кусочков сахару. Утром и вечером мы получали сладкий чай или же солодовый кофе, а в обед – целую тарелку супа и каши... Справедливости ради следует отметить, что паек, получаемый военнопленными, был в два раза больше пайка русского гражданского жителя. Я имел возможность убедиться в этом лично, когда осенью работал грузчиком на Каме. Советские люди, выполнявшие точно такую же работу, как и мы, получали на день только четыреста граммов хлеба да несколько вареных картофелин или соленых огурцов. Иногда, если кому-нибудь удавалось поймать в Каме рыбину, мы варили рыбный суп, однако это случалось редко. Несмотря на усиленный паек, пленные поправлялись медленно: сказывалось сильное истощение в котле окружения»³².

Жители города голодали не меньше, чем военнопленные. Т. В. Кельш привела в пример драматичные и образные, способные вызвать сочувствие, воспоминания учителя школы № 2 Людмилы Васильевны Маланичевой. Она рассказывала, что елабужане ходили даже к мусорным выгребным бакам лагеря военнопленных, находившегося на территории современного Суворовского училища. Эти баки были выставлены к набережной, и сама Людмила маленькой ходила туда, выгребала остатки пищи, которые там выбрасывались³³.

Понимая и принимая с высоты прошедших после плена лет, высоко оценивая усилия местных властей по сохранению максимально комфортного уровня жизни заключенных, В. Вюстер писал: «Во всем, что касалось повседневной жизни пленных, русские были менее злы по отношению к нам, чем мы сами по отношению к превратностям своей судьбы. Русские определенно делали для нас больше, чем для своего населения. В обоих лагерях за нами ухаживали так, как вполне ухаживали бы за своими собственными гражданами в каком-нибудь нищем городишке. Летом 1943 г. нам, пленным офицерам, дали покрытые золотым лаком консервы Оскар Майер из запасов US и американский яичный порошок. Нас выхаживали. Такие продукты местное население и в глаза не видело. Когда мы считали, что нас садистски держат на голодном пайке, мы даже не предполагали, как в это время обстояло дело с питанием в стране»³⁴. Наряду со всеми необходимыми медикаментами, усиленный паек и 750 г белого хлеба, получали заключенные, выздоравливающие после тифа.

Благодаря самоотверженному труду, мужеству и гуманизму медперсонала лагеря постепенно происходила трансформация взглядов немецких солдат и офицеров, о чем писал О. Рюле: «А я-то под влиянием нацистской пропаганды думал совсем по-другому о советских людях. На деле оказалось, что большевики – самые гуманные люди»³⁵. И это неожиданное открытие очень обрадовало меня:

была пробита брешь в моих антисоветских настроениях»³⁶. Гуманное, человеческое отношение жителей Елабуги навсегда запомнилось немецким солдатам и офицерам, недаром, уже после войны Г. Ренч говорил: «Я горжусь тем, что могу называться елабужанином»³⁷. А баронесса З. Олзхаузен, чей муж, барон Герд фон Олзхаузен когда-то был заключенным лагеря № 97, в своем письме писала: «Маленькая, затерянная в шишкинских лесах, в “медвежьем углу” Елабуга показала всему миру самое цивилизованное, самое гуманное понимание международной Конвенции о правах человека...»³⁸.

Немаловажной составной частью жизни военнопленных была, как писал В. Вюстер, «трудовая повинность». Труд военнопленных использовался на различных хозяйственных работах, прежде всего, направленных на удовлетворение нужд самого лагеря. Самими пленными велась подготовка лагеря к зиме, ремонт бараков, строительство прачечных и сушилок, пристроя к кухне и корпусам, строительство выгребных ям и овощехранилищ, а также ремонт домов начальствующего состава. К примеру, по данным секретного спецотчета о подготовке жилфонда лагерных отделений военнопленных к зиме 1946-1947 гг., на 1 октября 1946 г. жилье для военнопленных было готово на 90 %, лечебные учреждения – лазарет, амбулатория, изолятор – на 96 %, казармы для конвоирующих – на 82 %, санузлы (бани, дезинфекционная камера, прачечная, сушилки) – на 90 %, пищеблоки (кухни и столовые) – на 80 %. Выполнение ремонтно-строительных работ также отставало от графика. Если внутренняя побелка помещений была выполнена 100 %, то утепление стен, потолков и дверей, устройство тамбуров лишь на 90 %, ремонт печей – на 89 %, ремонт кровли – на 82 %, установка и остекление зимних рам на 80 %³⁹. При требуемых для проведения капитальных ремонтных работ 750 единицах плотников, столяров, кровельщиков, каменщиков, печников имелось 793 человека квалифицированных работников из контингента военнопленных⁴⁰. На наш взгляд, главной причиной невыполнения плана ремонта помещений была нехватка строительных материалов и задержка в получении уже выделенных фондов. Несмотря на проводившиеся ремонтно-строительные работы, здания и помещения лагерных зон постоянно требовали новых вложений. Так, к 1948 г. стены бани-прачечной зоны № 1 имели сквозные трещины вследствие осадки фундамента, кирпич кладки вымок, а деревянные перекрытия пришли в негодность⁴¹.

Рассказывая о полевых работах в качестве трудовой повинности, В. Вюстер писал о посадке картофеля, нормах выработки и нецелесообразности выполняемых заданий⁴². В. П. Рожин, вспоминая о повторной встрече с немцами во время совместной работы на полях елабужских колхозов, писал о внешних изменениях в облике военнопленных: «Вместе с учащимися педучилища на разных участках в полях работали и пленные немцы, были там и румыны. Но это уже были не те пленные, кого сопровождали мы, в марте 1943 года, когда их гнали из Сталинграда. Это уже были упитанные, сытые, здоровые детины, они работали тоже с пользой для лагеря, что располагался на территории нынешней школы милиции»⁴³.

Врезались в память В. Вюстера лесозаготовки, описанию которых он уделяет большое внимание⁴⁴. Уникальные фотографии Клауса Засса наглядно иллюстрируют воспоминания В. Вюстера, фиксируя, как пленные тянут на себе бревна к берегу р. Камы⁴⁵. Сам К. Зассе благодарит в своем биографическом труде военнопленного Курта Тапперта, «лесника», который «благодаря глубокому знанию условий труда и лагеря внес значительный вклад в понимание фотографий», пояснив, что «снимки сделаны в сентябре 1945 г. возле местечка Кзылтау»⁴⁶. Так

называемые «лесные лагеря» для лесозаготовок находились на расстоянии 18-22 км от лагеря⁴⁷. Разработка, т. е. валка леса с корня, разделка и укладка его в штабеля для дальнейшего сплава по р. Каме велась на специально выделенных лесоучастках Большого Бора и Кзыл Тау⁴⁸, а также на лесоучастке Бикляны. Доставка дров производилась через сплав по реке в виде связанных плотов. Однако, с Биклянского лесоучастка, находившегося в 55 км от лагеря ниже по течению Камы, вывоз дров был возможен лишь гужевым транспортом. Руководство лагеря неоднократно обращалось в Отдел по делам военнопленных и интернированных НКВД ТАССР о смене Биклянского участка на участок в Елабужском лесничестве из-за отсутствия у лагеря необходимых для доставки топлива 120 лошадей⁴⁹. Помимо дров, пленные занимались заготовкой торфа в районе с. Покровка⁵⁰.

Заметим, что заготовка дров для лагеря была одной из самых трудоемких работ. Годовая потребность лагеря в дровах составляла 17 000 м³. На 1 января 1945 г. в лагере имелось 1 972 м³ дров. Фактически на основании нарядов дровяного фонда за год было израсходовано 10 215 м³ дров. Еще 6 269 м³ дров было заготовлено хозяйственным способом по договоренности с Елабужским лесничеством. Кроме того, военнопленными были заготовлены 300 тонн торфа. Остаток топлива на 1 января 1946 г. составил 5 176,1 м³ дров. На 1 квартал 1946 г. Татлесохрана не выдала наряд на разработку дров для лагеря. По договоренности с местным лесничеством началась заготовка топлива на выделенных 2 000 м³ Большого Бора и 3 000 м³ Кзыл Тау⁵¹. Еще один участок в 8 235 м³ необходимо было получить в Елабужском лесничестве. В общей сложности, по данным заместителя начальника Управления лагеря военнопленных № 97 НКВД СССР по снабжению старшего лейтенанта Демидова, на 20 марта 1946 г. военнопленными лагеря было подготовлено 3 541 м³ дров, из них на складе лагеря находилось лишь 459 м³, еще 84 м³ хранились на перевалочной базе в с. Поспелово. При этом только во время апрельской распутицы потребление лагерем топлива равнялось 750 м³. В целях создания в лагере резервного фонда специально созданная команда военнопленных буквально в течение пары недель должна была ежедневно подвозить на 20 санях 20 м³ дров. Подготовленные к перевозке дрова частично (811 м³) лежали на плотках на берегу Камы. Однако большая их часть оставалась в лесу, на лесоучастке в Большом Бору – 180 м³ и на лесоучастке Кзыл Тау – 2 007 м³. Годовая потребность топлива по-прежнему составляла 17 000 м³. К концу 1946 г. Елабужским лесничеством лагерю был выделен лимит 3 000 м³ для разработки в 1947 г.⁵²

На 1947 г. военнопленными должно было быть заготовлено на нужды лагеря 22 725 м³ дров. При этом 32,1 % заготовки приходилось на зимние месяцы⁵³. Фактически к заготовке было определено 16 000 м³ дров и 1 000 т. торфа. Но если заготовка торфа к 1 сентября 1947 г. была выполнена на 100 %, то заготовка дров – лишь на 60,2 %, притом что сроки выполнения ограничивались 20 октября⁵⁴.

Отдельные эпизоды мемуаров В. Вюстера посвящены и отношениям в среде пленнх, между пленными и конвоирами, сопровождавшими лесоразработки⁵⁵. По штату-проекту лагеря для сопровождения на лесоразработках требовалось шесть человек, для охраны пленнх при выводе на ежедневные внешние работы – еще четыре человека⁵⁶. Конвоиров в лагере, по всей видимости, было недостаточно. А. А. Чернова, в чьем семейном архиве хранятся рукописи воспоминаний Т. М. Гребенщиковой, в своей публикации упоминает, что переводчице не умевшей стрелять, пришлось сопровождать пленнх в лес⁵⁷. Эти свидетельства

тесно перекликаются с эпизодом о нехватке конвоиров в воспоминаниях А. Н. Фахрутдиновой⁵⁸.

В ходе выполнения лесоразработок, во время доставки дров в лагерь, военнопленным приходилось встречаться с местными жителями. Интересные описания оставил В. Вюстер о деревенских женщинах, которые, несмотря на тяжелую физическую работу – «женщины в России часто сильнее мужчин», не теряли своей привлекательности⁵⁹. В. В. Кусакин, рано оставшийся без отца, и работавший, как и все подростки войны, а потому не имевший свободного часа, рассказывал о встречах с немецкими военнопленными, когда они шли с лесозаготовок, а он ехал за торфом. «В 1942 г. работать пошел, а в 1943 г. немцев пригнали. Их пригнали с Кизнера. Это 90 км почти что. Мы знали, что немцев привезут давно, через деревни говорили уже. Их пригнали к Комсомольскому парку, где тюрьма. Но нас на 100 м не подпускали. Там с винтовками стояли часовые, которые охраняли. Мы просто видели, что они задрипанные люди, худые. У них настроение,.. кто в чем. Им нужно было пройти пешком 90 км, зимой фактически. Потом, март месяц сырой, по воде шли, вода уже таяла. Мы смотрели не на врага. Любопытство скорее. Что вот, немцы какие, что воевали. У всех кто-то воевал. У меня брат вот погиб. Это было детское любопытство... Это была санобработка, в тюрьме-то... Но так-то мы не общались... Там где школа милиция, они там до [19]48 г. были. Но вот уже в те года, после войны немножко мы с ними общались, некоторые свободно ходили по городу. Они могли свободно сходить в магазин, их выпускали. Я видал, и жена мне тоже рассказывала, в 1948 г., как их отправляли. Они были одетые, все в новом, все чистое. На пристань их строем уводили, и они стали уезжать... Первые впечатления? Какая-то жалость. На ногах непонятно что. Оборванные, худые. Среди них были дистрофики, больные. Кроме жалости и любопытства, ничего не было... Не было у меня детства. Быки! Я работал на спиртзаводе до 1943 г. В 1943 г. 8 декабря я получил повестку с военкомата в ремесленное училище № 13, а в 1944 г. на трактор уже послали. Помогать трактористам. А в 1944 г. самостоятельно работали. Я его закончил, меня направили работать в МТС, где я проработал до начала 1948 г. И пришел работать в школу механизации наставником! В 18 лет... Детство у меня было до девяти с половиной лет. А там я уже работать пошел. Я работал погонщиком быков. Научили их запрягать, возили торф с торфяника около Святого ключа возле Малого Бора»⁶⁰.

Сколько интересных эпизодов, знаний об истории родного края, в том числе и о заключенных лагеря № 97, сохраняли елабужские учителя, в годы школьной жизни не особо распространяясь о таких немаловажных в истории города фактах, и уж тем более о психо-эмоциональной составляющей контактов (вынужденных и добровольных) горожан и военнопленных. Уже будучи на заслуженном отдыхе, педагог елабужской средней школы № 2, учитель немецкого языка Т. В. Кельш, вспоминая рассказы своего старшего коллеги Зои Степановны Осиповой, поделилась ее детскими впечатлениями о немцах, о том как они детьми бежали к лагерю подглядывать за фашистами. «Ей было наверное лет 10, она уже была в зрелом детстве, хорошо все помнила. Концлагерь был также на зоне, где находился монастырь. Она мне рассказывала интересные вещи про концлагерь, как они ходили туда: “Бежали мы туда и смотрели за ворота, пытались в щелку подсмотреть, что же это за люди, как они выглядят вообще. Может быть, у них что-то неладное”. Смотрели они как немцы ездят на работу, они же в лес ездили, лес заготавливали. Потом им было очень интересно как они, немцы, живут, летом особенно. “Когда

Сестру она очень быстро научила, она способная была к языкам. Немец удивился, что в такой глуши знает немецкий язык такой маленький ребенок. Он спросил сестренку, кто научил. Светлана привела бабушку, и бабушка поговорила с ним. Он сказал, что у него тоже двое детей остались в Германии. И он скучает по ним. А бабушка тоже сказала, что и ее сын в армии, а это ее внуки...». «По рассказам бабушки К. В. Польских во время полевых работ, на картошке немцы делили хлебный паек поровну, а японцы – старшим по званию выделили больше». Описывая лагерный быт, Польских рассказывала: «Мой отец работал в лагере бухгалтером, мы жили недалеко от штаба, на территории лагеря. Недалеко от угла дом стоял с колоннами, когда-то построенный Стахеевым, и дума там заседала. Рядом с ним маленький в три окна двухэтажный дом, на втором этаже которого была наша квартира. От этого дома от второго этажа шла терраса, прямо переходящая в штаб (когда-то в доме жили приказчики). Недалеко от клуба были цветники, пленные за ними ухаживали, дорожки посыпали. Немцы и японцы по-разному букеты собирали. Такие разные. У немцев букеты как-то раскидистые. А японцы сверху как будто петушинный гребень бордовый делали, а потом уже остальные цветы... В клубе проходили по субботам обычно кинофильмы. Администрация лагеря разрешила немцам играть, закупила духовые инструменты, и немцы по вечерам занимались музицированием. Здесь очень много пленных было из берлинского радио. Был дан концерт для начальства лагеря, и я была на этом концерте (после войны). Были Штраус, Вагнер, музыка была изумительная. Вот это помню... Я, можно сказать, нахально пробежала. Концерт был для взрослых. Стоял такой высокий Ганс, ноги раздвинув, лестница высокая, крутая, я пробежала между ног к маме, к родителям. Ну, меня уж оттуда не выгнали. Маленькая была, не стеснялась ничего». Вспоминая детство, К. В. Польских рассказывала: «На углу Тойминской и К. Маркса был маленький дом, где каждую неделю показывали короткометражные фильмы о войне. Мы, ребята, туда бегали, смотрели. Мальчишки бегали, играли в войну. Я-то больше с девочками общалась. Брат мой (1934 г. р.) увлекался приборостроением. Дедушка приучил его столярничать, даже столярный станок у нас был. У него и ребята такие же были. У нас татары рядом жили. Мы все дружно жили. Разделений никаких не было. Очень дружно жили. Играли вместе. У меня до сих пор подружки татарки. Эвакуированные у нас были, из Ленинграда, Воронежа. У меня сестра училась с эвакуированным Никольским. Он много писал об учителях, об Ольге Ивановне Тугаровой. Он и моя сестра были отличниками, похвальные грамоты имели. Он описывает, как они жили у нашей учительницы Л. Романовской, о том, какие люди тогда были...»⁶².

По воспоминаниям К. В. Польских, между военнопленными и местными девушками нередко вспыхивали взаимные чувства: «У одного немца с нашей русской любовью была. Девушка была такая рыженькая, симпатичная. Отец у нее тоже работал в лагере. Я не от нее, от родителей своих узнала. Немец приходил к ней. И она даже родила от него. Мы потом с ее дочкой были знакомы. А мать ее так замуж больше не выходила»⁶³. О настоящих чувствах между немецким военнопленным и нашей девушкой, приведших к созданию семьи, рассказывала и бабушка Е. Г. Кривоножкиной.

Иной оттенок носит воспоминание Д. А. Касимовой, в годы войны – ученицы начальных классов: «В Елабуге были лагеря военнопленных немцев и японцев. Немецкий лагерь был недалеко от школы на территории комплекса купцов Стахеевых. Этот комплекс с умом и вкусом построенных домов всегда хорошо использовался... А тогда мы видели через забор ненавистных нам фрицев. Это

были отнюдь не изможденные, а вполне здоровые и, наверное, достаточно молодые люди, как говорят экскурсоводы и краеведы Елабуги, части армии Паулюса. После Победы, до возвращения они свободно ходили по городу, покупали много книг в нашем единственном тогда книжном магазине. Один из них, вернувшись в Германию, написал книгу “Исцеление Елабугой”. Японцев мы видели только под конвоем, когда их проводили через город. Это была какая-то серо-зеленая безликая и очень мрачная масса людей. Их лагерь находился на окраине, на территории бывшего женского монастыря»⁶⁴. Совершенно другие впечатления о японских военнопленных остались у охранника одного из отделений лагеря № 97 А. И. Трапезникова, непосредственно общавшегося с заключенными: «японцы отличались высокой культурой, трудолюбием, у них были невероятные способности»⁶⁵. В. Вюстер, описывая встречу с японскими военнопленными, сравнил положение представителей бывших союзных армий – «явная сплоченность, гордая самоуверенность отличали японцев от нас», отметил уважительное отношение и приветствия японцев в адрес немецких военнопленных⁶⁶.

Однако у младшего поколения детей военной поры сложились свои, особенные воспоминания от встреч с военнопленными и, безусловно, здесь сказалась и идеологическая пропаганда, проводившаяся накануне войны, и само напряжение войны, лишавшей детей и подростков отцов и старших братьев. О непонятном страхе перед немцами во время первой встречи, вызвавшем ее бегство, рассказывала елабужанка А. Н. Фахрутдинова, в доме которой недолгое время жила постоянницей переводчица Т. М. Гребенщикова. Аналогичные чувства испытала и уроженка д. Бикеево Р. Хамитова, правда, описываемые события произошли в Камском Устье: «Мы, дети, дома одни. “Немцы идут!” – кричит моя двоюродная сестра Раида, выглянув в окошко. Я тут же вмиг от страха лезу под кровать. А мои сестры, жительницы Камского Устья, совсем не боятся. И я решаюсь потихоньку подступиться к окошку. Странная тишина на улице. Серая колонна немцев тихо и мерно шагает по мощеной улице,.. все смотрят вниз, под ноги. Конвоиры идут рядом тоже молча. А на обочине у ворот дома стоят тети. И тоже, молча, смотрят на немцев. Никакой радости от вида пленных, никакого торжества»⁶⁷.

В последние годы образы военнопленных нередко всплывают в публикуемых воспоминаниях детей войны. Так, о своем восприятии пленных японцев рассказывала Л. Мельникова, подчеркивая при этом двойственное отношение детей к поверженным врагам: «Эти необычные люди вызвали постоянный интерес у всех ребятшек. Одни их дразнили, показывая кулаки и выкрикивая “банзай!”, а другие жалели и приносили им кусочки хлеба. Пленные выглядели очень измученными. Униформа цвета хаки висела на них, как на вешалках. И все они были так малы ростом, что казались нам, детям, ровесниками»⁶⁸. «Я и моя подружка Зина часто беседовали с японцами, несмотря на то, что это было строго запрещено. Бдительные охранники, наводящие ужас не только на пленных, но и на нас, постоянно отгоняли всех от японцев, грозя тюрьмой за предательство Родины и шпионаж. Да мы и сами побаивались пленных, несмотря на их солнечные улыбки, ведь они были нашими врагами»⁶⁹. Тем не менее, дети выполняли просьбы военнопленных, например, бегали «купить для них что-нибудь съестное или папиросы». А однажды, с разрешения мамы, даже пригласила их на скромный обед, после которого, пишет автор, «японцы встречали меня как родную». Стоит заметить, что высказанные Л. Мельниковой мысли о двойственном отношении к «врагам» в целом отражали состояние советского общества и рефлексию граждан на

находящихся «в доступности» уже теперь бывших солдат. Об этой загадочной черте русского характера – милосердии, часто упоминали в своих мемуарах и бывшие немецкие военнопленные⁷⁰.

Вспомним роман Ю. Закруткина «Матерь человеческая»⁷¹, в котором отражены действительно человеческие качества, великодушие и сострадание русской крестьянки к смертельно раненому немецкому солдату Вернеру Брахту, пытавшейся спасти ему жизнь. Точно так же позднее она будет спасать жизнь уцелевших от бомбежки детей, эвакуированных из Ленинграда. Эта книга настолько глубока, что не просто повествует о реалиях Великой Отечественной войны на примере обычной деревенской женщины, привыкшей к труду, к повседневной заботе о близких и о пределах человеческих возможностей, но фактически поднимает вопросы сохранения исторической памяти, проблемы влияния войны на психику, душу и дальнейшую судьбу человека.

Безусловно, не все отличались принятием бывших врагов, даже в образе военнопленных. Многие проходили через нравственные, моральные терзания, размышляя о судьбе советских солдат, и, тем не менее, сочувственно относились к немецким военнопленным. Очевидица, испытывавшая, как и многие ее современники, неоднозначные чувства к немцам, развязавшим войну, вспоминала: «В лагере работали врачи из Ленинграда – Елена Михайловна Сухова. У нее в блокаде погибла семья, родные, а она потеряла руку. У врача Волковой Раисы Генриховны в оккупации погибли все родные. Не было ни одного работника лагеря, которого не коснулись тяжелые переживания, утраты. Похорожки все шли и шли.

Трудно, но надо было находить в себе силы, чтобы преодолеть чувство ненависти, вражды. Воспитанные в духе гуманного отношения к страдающему человеку, мы делали все, что было необходимо для восстановления здоровья военнопленных»⁷².

Между тем, доктор Е. М. Сухова произвела очень сильное впечатление на О. Рюле: «Очень часто я ходил за лекарствами к главврачу лазарета – тоже женщине. Каждое утро у нее был прием, после обеда она обходила жилые помещения лагеря, беседовала с пленными, интересуясь состоянием их здоровья. Если кто казался ей подозрительным, главврач внимательно осматривала его и, если нужно, тут же направляла в лазарет. Меня она не раз упрекала за то, что не сказал вовремя о своем плохом самочувствии. Эта женщина тоже с головой ушла в свою работу, хотя и сама была нездорова: левый рукав ее белого халата болтался пустой. У нее не было руки. Я слышал, что доктор пережила блокаду в Ленинграде. Там ей и оторвало руку осколком немецкого снаряда. А сейчас она не жалела своих сил для того, чтобы спасти пленных немцев от эпидемии тифа»⁷³. Эти слова подтверждаются словами В. Вюстера, писавшего о хорошем выполнении профессиональных обязанностей лагерного медперсонала: «русские врачихи, – в большинстве своем еврейки, – с которыми можно было разговаривать на немецком языке или иврите, добросовестно заботились о нас»⁷⁴.

О качественном выполнении врачами и медсестрами своих обязанностей свидетельствуют документальные архивные материалы – характеристики на медицинский персонал. В частности, в аттестации на начальника лазарета Полину Игнатьевну Волкову, работавшую в данной должности с 8 апреля 1943 г., отмечалось: «Врач-лечебник с терапевтическим уклоном, имеет достаточный практический стаж и знания... Врачебный стаж с 1935 г. Дисциплинирована, морально устойчива, в достаточной мере предъявляет требования к подчиненным, а также

к больным в отношении соблюдения режима. Общительна и отзывчива на все запросы больных»⁷⁵.

Трансформация отношения к участникам Великой Отечественной войны со стороны Германии происходит и в наше время, недаром переводчица воспоминаний В. Вюстера Ю. Романова, внучка фронтовиков, писала в предисловии к книге: «Поначалу я очень скептически относилась к воспоминаниям бывшего представителя вражеского стана. Когда я стала читать его мемуары, скептицизм уступил место прощению... Вюстер ведь и сам сказал о том, что рассматривает свою книгу как собственный вклад в будущие благополучные отношения между нашими странами... В конечном итоге, дело совсем не в том, что это воспоминания из лагеря противника. Дело скорее в том, что жизнь этого человека тесно вплелась в историю моего родного города и в военные, лихие судьбы его замечательных, необыкновенных людей. И разве можно в этом что-то изменить?»⁷⁶.

Характеризуя эго-документальное наследие следует отметить отсутствие агрессивного национализма в воспоминаниях участников событий. Прочитываемая в мемуарах немецких военнопленных идентификация себя, своего «я» в контексте с другой культурой, позволяет судить о произошедших трансформациях их мировоззрения, изменениях в отношении русских = советских граждан.

В целом, анализ имеющихся в доступе и собранных нами материалов, представляющих мнение людей противоположных сторон – участниц войны, показал отличающиеся подходы в изложении воспоминаний, разное идеологическое звучание, эмоциональную и информационную насыщенность. В то же время поражает схожесть эпизодов, характеристик людей и их поступков. Возможно, критикуя использование такого рода субъективных источников, говорить и о девальвации памяти. Тем не менее, взгляд на события времен войны «изнутри», «снизу», с позиции простого человека, представляет собой непреходящую ценность, имеет не только научно-историческую, но и общественную значимость, позволяя сохранять историческую память поколений, иллюстрируя, что даже в нечеловеческих условиях можно и нужно оставаться человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 20.
2. Niethammer L. Ego-Histoire? Und andere Erinnerungs-Versuche. – Wien: Böhlau Verlag Wien, 2002. – 304 p.; Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории (пер. с нем.). – М.: Новое издательство, 2012. – 536 с.
3. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти... – С. 7.
4. Kriegsgefangene im Osten. Bilder – Briefe – Berichte / Herausgeber Eva Berthold. – Königstein / Ts.: Athenäum Verlag, 1981. – 211 s.
5. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 184.
6. Жаржевский Л. Немецкие пленные в Татарии: через объектив «Минокса». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/83505-nemeckie-plennyye-v-tatarii-cherez-obektiv-minoksa> (дата обращения 25.12.2017); Ибрагимова Г. Сталинградская мадонна. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/districts/volga/kazan/09-05-2003/32814-madonna-0/> (дата обращения 27.01.2018); Пленные немцы в Казани. Истории очевидцев. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://inkazan.ru/article/tilda/23-05-2017/plennyye-nemtsy-v-kazani-istorii-ochevidtsev> (дата обращения 25.12.2017).

7. Рюле О. Исцеление в Елабуге / Пер. с нем. В. Артеменко. – М.: Воениздат, 1969. – С. 169-170, 177. Электронный ресурс. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/german/ruhle_o/index.html (дата обращения 5.03.2018).
8. Там же. – С. 170.
9. Воспоминания бывшего учащегося педучилища, юрист-консула ЕГПУ Рожина Василия Петровича, 1998 г. // Архив кафедры истории Елабужского института КФУ.
10. Там же.
11. Иванов А. Виганд Вюстер: прорыв к читателю // Вечер Елабуги. – 2011. – 17 августа (№ 674).
12. Колбина Ю. Призыв к миру. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.elabuga.com/zvet_silver/_stalingrad.html (дата обращения 17.02.2018).
13. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! / Пер. с нем. Ю. А. Романовой. – М.: [б. и.], 2007. – С. 46.
14. Руденко Г. Лагерь в Елабуге // Родина. – 2010. – № 6. – С. 96.
15. Рюле О. Исцеление в Елабуге... – С. 186. Отметим, что эпизоды, описываемые А. Н. Фахрутдиновой и О. В. Рюле, касаются разных отделений лагеря № 97.
16. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 1, л. 95-96 об.
17. Там же, л. 97-98 об.
18. Rentzsch H. Ein Wiedersehen mit Genossin Tamara. В кн.: Елабуга и немецкие военнопленные. Фотоальбом // Из личного архива Е. Г. Кривоножкиной.
19. Нечаева Татьяна Александровна (1918 г. р.), уроженка с. Кабан-Бастрык Челнинского района ТАССР, работала врачом-ординатором лазарета лагеря № 97 НКВД СССР в марте-июне 1943 г. Проработав в июне-сентябре того же года в детской поликлинике г. Елабуги, приказом № 355 по Наркомздраву ТАССР от 20 сентября 1943 г. вместе с врачом Галиной Ефимовной Малышкиной с 15 сентября была переведена в систему НКВД и вновь была принята в штат Управления лагеря № 97 НКВД СССР врачом-ординатором (см.: ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 1, л. 105; д. 3, л. 19 об, д. 2. л. 60).
20. А мечтала быть педиатром (Воспоминания Т. А. Нечаевой) // Солдат спасенный помнит вас. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – С. 193, 196.
21. Там же. – С. 193-194.
22. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 2, л. 16.
23. Там же, оп. 1, д. 2, л. 116.
24. Там же, оп. 3, д. 3, л. 14-14 об., 54.
25. «Встреча с правдой». Немецкие военнопленные в Елабуге (Студия учебного телевидения Елабужского института КФУ, 2013). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7QSiS3mlZFQ> (дата обращения 27.02.2018).
26. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 59.
27. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 3, л. 16 об.
28. Рюле О. Исцеление в Елабуге... – С. 191.
29. Там же. – С. 187, 189.
30. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 64.
31. Интервью с Татьяной Владимировной Кельш, жительницей г. Елабуги, 31.01.2014 г. // Личный архив И. И. Ханиповой.
32. Рюле О. Исцеление в Елабуге... – С. 185-186.
33. Интервью с Татьяной Владимировной Кельш... // Личный архив И. И. Ханиповой.
34. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 92.

35. Действительно, по сравнению с положением советских военнопленных периода Великой Отечественной войны, отношение к немецким военнопленным было более гуманным и справедливым. Да и судьба вернувшихся из плена советских солдат, чьи гражданские права долгое время ущемлялись, а общественное положение реабилитировано не так давно, по сравнению с судьбой бывших немецких военнопленных полна драматизма. Обо всем этом свидетельствуют не только воспоминания бывших военнопленных, в основном немецких, т. к. в силу понятных причин «вспоминать» о жизни в плену в СССР было не принято, но и исторические исследования (см., например: Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941-1945. В 2-х кн. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. Кн. вторая. – М.: Наука, 2004. – С. 232-264).
36. Рюле О. Исцеление в Елабуге... – С. 192.
37. Ибрагимова Г. Сталинградская мадонна. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/districts/volga/kazan/09-05-2003/32814-madonna-0/> (дата обращения 27.01.2018).
38. Студенты и преподаватели вуза рассказали суворовцам и кадетам о Сталинградской битве. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://kpfu.ru/elabuga/studenty-i-prepodavateli-vuza-rasskazali-31193.html> (дата обращения 27.12.2017).
39. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 1, д. 1, л. 87.
40. Там же, л. 95.
41. Там же, д. 4, л. 42.
42. Вюстер В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 84.
43. Воспоминания бывшего учащегося педучилища, юрист-консула ЕГПУ Рожина Василия Петровича, 1998 г. // Архив кафедры истории Елабужского института КФУ. Упоминаемая в источнике Школа милиции – территория современного Суворовского военного училища МВД России.
44. Вюстер В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 84-90.
45. Sasse K. Bilder aus russischer Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Fotos aus Jelabuga und anderen sowjetischen Lagern. 1945-1949. (Autobiographische materialen). – Münster: Waxmann Verlag, 1999. – S. 211, 212.
46. Там же. – С. 213. Сам К. Тапперт работал в лесном лагере, на берегу же работала другая команда военнопленных, занимавшихся сплавом леса.
47. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 1, д. 1, л. 23; д. 2, л. 116.
48. Кзыл Тау – Красная гора, уникальный лесной парк в составе Боровецкого леса, в настоящее время входит в состав Государственного национального парка «Нижняя Кама».
49. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 1, д. 1, л. 25.
50. Там же, д. 2, л. 62, 72, 125.
51. Там же, д. 1, л. 24 об., 25.
52. Там же, л. 48, 107 об.
53. Подсчитано по: там же, л. 15.
54. Там же, л. 94.
55. Вюстер В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 87.
56. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 2, л. 20.
57. Чернова (Двяконова) А. Моя прекрасная «фройляйн». Воспоминания об участнице Великой Отечественной войны Т. М. Гребенщиковой // Унивести. – 2016. – № 4 (апрель). – С. 1.
58. Интервью с Александрой Николаевной Фахрутдиновой, жительницей г. Елабуги, 1925 г. р., 24.02.2018 г. // Личный архив И. И. Ханиповой.

59. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 88-89.
60. Интервью с Виктором Васильевичем Кусакиным, уроженцем г. Елабуги, 10 октября 1930 г. р., 23.02.2018 г. // Личный архив И. И. Ханиповой.
61. Интервью с Татьяной Владимировной Кельш ... // Личный архив И. И. Ханиповой.
62. Интервью с Карелией Владиславовной Польских, жительницей г. Елабуги, 1937 г. р., 10.04.2018 г. // Личный архив И. И. Ханиповой. (Сестра Светлана, упоминаемая в интервью – 1932 г. р.).
63. Там же.
64. Касимова Дина Арифовна, 15.09.1933 г. р. // Виртуальный музей Великой Отечественной войны Республики Татарстан. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://tatfrontu.ru/person/kasimova-dina-arifovna> (дата обращения 27.01.2018).
65. Японская свадьба. Из рассказов Александра Ивановича Трапезникова, вахтера в лагере военнопленных в Елабуге. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://inkazan.ru/article/tilda/23-05-2017/plennye-nemtsy-v-kazani-istorii-ochevidtsev> (дата обращения 25.12.2017).
66. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 93.
67. Хамитова Р. Виртуальный дневник девочки, которая боялась бомбежек: май 1942 – май 1945. Казань, 2005 // Живая память. Воспоминания детей войны. Вып. 1 / Сост. В. Ф. Телишев; ред. В. С. Маркелов, Ю. В. Жиглий, Д. Э. Рахимова. – Казань: Казан. федерал. ун-т, 2013. – С. 129-130.
68. Мельникова Л. «В плен сама пошла» // Детство 45-53: а завтра будет счастье / Авт.-сост. Л. Улицкая. – М: АСТ, 2013. – С. 375. К сожалению, Л. Улицкая, составитель воспоминаний, собранных по всей стране, не указала город, из которого присланы мемуары Лилии Мельниковой. По тексту источника определить местонахождение описываемых событий не удалось. Тем не менее, наличие многих лагерей военнопленных на территории СССР в военные и послевоенные годы, схожесть сложных процессов взаимоотношений между пленными и простыми жителями, позволяет использовать документ в качестве иллюстрации к статье.
69. Там же. – С. 376.
70. Немцы о русских. Дневники, воспоминания, письма. Электронный ресурс. Режим доступа: http://guvera.ru/articles/nemcy_o_russkih (дата обращения 24.02.2018).
71. Закруткин В. Матерь человеческая. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 144 с.
72. А мечтала быть педиатром... – С. 194.
73. Рюле О. Исцеление в Елабуге... – С. 191.
74. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 59.
75. ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 1, л. 22.
76. Вюстер. В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! ... – С. 6.

№ 1. Из воспоминаний жительницы г. Елабуги А. Н. Фахрудиновой о немецких военнопленных

24 февраля 2018 г.

[...] Гребенщикова, она у нас жила, я встретила с ней в [19]46 году. Просто у нас большая квартира была, подселение всегда старались,.. но неудобное расположение, отдельную семью нельзя, вот переводчицу поселили. Мы с мамой вдвоем остались и она у нас жила длительное время. Я уже заканчивала школу почти, мы в одной комнате находимся с ней. А к ней много молодых людей стало приходиться и все, мама заволновалась и отыскала ей по этой же улице у одной старушки отдельную комнату.

А у нас отдельной комнаты нет, одна проходная комната, а там большой зал, в том я – мой уголок, мы там вместе в одной комнате жили. Потом лагерь закрыли, она переехала, и вдруг мы снова столкнулись. Наши дети в одном классе учились. Я-то ее знала как Плотникову, переводчицу, а когда встретились, оказалось, моя старшая дочь за одной партией сидели с Эдиком Гребенщиковым. [...]

Мы жили на улице Дзержинской, д. 3 (ныне ул. Стахеевых. – И. Х.). Там у самой проходной двухэтажный дом направо, там мы жили. Верх – на две семьи и общая кухня. Когда-то один хозяин был, а это престижные квартиры, не коммуналка, кухня на две семьи. Строительства тогда не было. Лагерь совсем плотно был, за стеной. Там, за стеной, в доме № 2 жили в лагере только эсэсовцы. Почему отдельно, потому что они надменны были, даже со своими не хотели общаться. А ведь там еще в лагере для военнопленных были итальянцы, австрийцы, румыны, в общем, все из союзных Германии держав. Они в основном солдаты были. Медсестры даже в одиночку боялись заходить к ним (к эсэсовцам. – И. Х.), обязательно их сопровождал конвоир. С медсестрами не так обращались как нужно¹. Отдельно гулять их выводили. На работах по самообслуживанию они не участвовали.

У моего одноклассника Игоря Крускоп мама была начальник санчасти этого лагеря. В санчасти Сизова, Надежда Семина – елабужские врачи работали². У начальника санчасти другая фамилия была³, а он-то, Игорь – Крускоп. У нас в классе [19]25 и [19]26 года [рождения]. Ребята были уже в 9 классе призваны, а Игорь по сравнению с нашими ребятами такой крупный, а его в армию не призвали. Он оказывается [19]27 года был. Не хватало конвоиров, даже женщин во второй зоне привлекали. А он в школе глубоко изучил военное дело, у нас военрук Тышко был. Мама видимо поспособствовала или как, он не в колхозе с нами работал в летнее время, а конвоировал. Он такой крупный, владеет оружием прекрасно, не простой охранник, конвоир. От него я о военнопленных знала. Мы же одноклассники. Через него я, например, присутствовала на просмотре черновом фильме «Битва за Сталинград». Фильм был такой, на него нам не попасть было. Строго. Пропуск был. Первые три ряда только офицеры. И на этом просмотре даже Паулюс был, но ведь я это не могу доказать, что Паулюс на этом просмотре присутствовал. Но он здесь не жил. А мы через кинобудку пробирались. Он меня и еще одну подругу привел. И там, в конце втроем сидели и смотрели, уже не показывая себя, но, только рассматривая, как они в военной форме сидели на первых трех рядах. И вот как раз там широким планом показывали момент, как сомкнулось кольцо, и как окружили и берут в плен Паулюса. Смотрели военнопленные и часть военнослужащих, офицеры. Это был городской клуб на территории, куда потом немцев водили. У них свой оркестр военный был. Они сами концерты ставили, и во второй зоне также было. Вот это знаю.

Видела двух немцев живых. У этих же Крускопов. Около музея Шишкина красный-то двухэтажный дом, он ведь в годы войны построен. И на первом этаже в угловой квартире была квартира этого врача – начальника санчасти в лагере, матери Крускоп. Только видимо заселялись. Нам зачем-то надо было к нему (однокласснику. – И. Х.) забежать. Забежали. А там два немца проводку заканчивают. Я даже испугалась и скорее за ним в зал, чтобы около них не стоять. Они сразу рассматривают и смеются. [...]

Из личного архива И. И. Ханиповой. Аудиозапись.
Подлинник.

**№ 2. Из справки о расстановке личного состава Управления лагеря № 97
НКВД СССР⁴**

Не позднее 1 октября 1943 г.⁵

Наименование аппарата	Наименование должности	По штату	Фамилия, имя, отчество и звание
[...] Санитарное отделение	Нач[альник] сан[итарного] отделения, врач	1	Вольпова Раиса Генриховна, военврач 3-го ранга
	Медстатистик	1	Гуляева Вера Ивановна
Амбулатория	Нач[альник] амбулатории, врач	1	Вакансия
	Врач-ординатор	1	Вакансия
	Зубной врач	1	Вык Шлауль Эльевич
	Фельдшер со ср[едним] обр[азованием]	1	Дегтярь Иван Романович
	Медсестры со средним образованием	2	Попова Анна Павловна Вакансия
	Дезинфектор	1	Вакансия
	Санитар	1	Вакансия
Лазарет на 200 коек	Нач[альник] лазарета, врач	1	Малевицкая Ирина Михайловна
	Врач-ординатор	1	Вакансия
	Зав[едующий] хоз[яйством] лазарета	1	Вакансия
	Фельдшер со ср[едним] мед[ицинским] обр[азованием]	1	Розова Мария Васильевна, старший сержант
	Медсестры со средним образованием	5	Насырова Мава Аскарровна Мазитова Салима Шакирзяновна Божок Лидия Васильевна Вакансия Вакансия
	Санитар	1	Вакансия
	Кладовщик	1	Ямпольская Полина Михайловна
Аптека	Нач[альник] аптеки	1	Ефремова Елизавета Васильевна
	Фармацевт	1	Калачова Зоя Яковлевна
	Санитар	1	Вакансия
Лаборатория [...]	Врач-лаборант	1	Вакансия
	Лаборант	1	Монахова Антонина Михайловна
	Санитар	1	Вакансия

Начальник Управления лагеря № 97 НКВД СССР
Гвардии майор Кудряшов.

ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 3, л. 16-16 об. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Врачу Елабужской городской больницы, принятой в 1943 г. в медицинский штат лагеря военнопленных врачом-ординатором Галине Ефимовне Малышкиной (1918 г. р.) было 25 лет, медсестре Вере Васильевне Токмачевой (1922 г. р.) – 18 лет (подсчитано по: ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 3, л. 20).
2. Семина Надежда Ивановна (1918 г. р.), врач-стоматолог, в штате Елабужского лагеря для военнопленных с 23 февраля 1943 г. (см.: ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 1, л. 61; д. 2, л. 2 об.).
3. На 1 октября 1943 г. начальником санитарного отделения числился военврач 3-го ранга Вольпова Раиса Генриховна, врач-лечебник с врачебным стажем с 1925 г. (см.: ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 3, л. 16; д. 1, л. 33).
4. В справке указан лимит брони личного состава – 93 человека. Имеется в виду бронь для военнообязанных по отсрочке мобилизации. Фактически СНК СССР постановлением №116 от 7 августа 1943 г. бронь вольнонаемного населения в составе лагеря военнопленных № 97 НКВД СССР была установлена в 90 человек. Еще на 18 человек бронь была предоставлена Елабужским райвоенкоматом ТАССР (см.: ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 2, л. 11, 72). В то же время, сотрудников явно было недостаточно, о чем свидетельствует проект штатного расписания на 142 штатные единицы, предназначенный для отделения лагеря для офицерского состава на 2 000 человек, высланный начальником Управления лагеря Щербачевым народному комиссару внутренних дел, полковнику госбезопасности Габитову (см.: ГА РТ, ф. Р-4934, оп. 3, д. 2, л. 13-13 об.).
5. Дата установлена по расположению документа в деле.

Список литературы

Kriegsgefangene im Osten. – Bilder – Briefe – Berichte / Herausgeber Eva Berthold. Königstein/Ts.: Athenäum Verlag, 1981. 211 s.

Niethammer L. Ego-Histoire? Und andere Erinnerungs-Versuche. – Wien: Böhlau Verlag Wien, 2002. – 304 s.

Sasse K. Bilder aus russischer Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Fotos aus Jelabuga und anderen sowjetischen Lagern. 1945-1949. (Autobiographische materialen). – Münster-New-York-München-Berlin: Waxmann Verlag, 2007. – 280 s.

Вюстер В. Выжить? ... для нас не предусматривалось! / Пер. с нем. Ю. А. Романовой. – М.: [б. и.], 2007. – 100 с.

Рюле О. Исцеление в Елабуге / Пер. с нем. В. Артеменко. – М.: Воениздат, 1969. – 328 с. (Оригинал: *Rühle O. Genesung in Jelabuga. Autobiographischer Bericht.* – Berlin: Verlag Der Nation Berlin, 1967). Электронный ресурс. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/german/ruhle_o/index.html (дата обращения 5.03.2018).

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 347 с.

References

Kriegsgefangene im Osten. Bilder – Briefe – Berichte / Herausgeber Eva Berthold. Königstein/Ts.: Athenäum Verlag, 1981, 211 s.

Niethammer L. Ego-Histoire? Und andere Erinnerungs-Versuche. Wien: Böhlau Verlag Wien, 2002, 304 s.

Sasse K. Bilder aus russischer Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Fotos aus Jelabuga und anderen sowjetischen Lagern. 1945-1949. (Autobiographische materialen). Münster-New-York-München-Berlin: Waxmann Verlag, 2007, 280 s.

Vyuster V. *Vyzhit? ... dlya nas ne predusmatrivalos! Per. s nem. Yu. A. Romanovoy* [To survive? ... We were not supposed to! Transl. from German]. Moscow, 2007, 100 p.

Ryule O. *Istselenie v Elabuge. Per. s nem. V. Artemenko*. [Healing in Yelabuga. Trans. from German]. Moscow, Voenizdat publ., 1969, 328 p. IN: [On-line]. Available at: http://militera.lib.ru/memo/german/ruhle_o/index.html (access date 5.03.2018).

Senyavskaya E. S. *Psihologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the 20th century: historical experience of Russia]. Moscow, ROSSPEN publ., 1999, 347 p.

Сведения об авторах

Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: ihanipova@mail.ru.

Кривоножкина Екатерина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики высшей школы Института психологии и образования Казанского федерального университета, e-mail: katrin1972@yandex.ru.

About the authors

Il'nara I. Khanipova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at Sh. Mardzhani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: ihanipova@mail.ru.

Ekaterina G. Krivonozhkina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Pedagogy, Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University, e-mail: katrin1972@yandex.ru.

В редакцию статья поступила 07.07.2018 г., опубликована:

Ханипова И. И., Кривоножкина Е. Г. Заключенные лагеря военнопленных № 97 НКВД СССР в воспоминаниях очевидцев, или еще раз к вопросу об исторической памяти // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2018. – № 3. – С. 55-78.

Submitted on 07.07.2018 г., published:

Khanipova I. I., Krivonozhkina E. G. *Zaklyuchennyye lagerya voennoplennykh no. 97 NKVD SSSR v vospominaniyah ochevidtsev, ili eshche raz k voprosu ob istoricheskoy pamyati* [Prisoners of war camp no. 97 of the USSR NKVD in the reminiscences of eyewitnesses, or revisiting historical memory]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2018, no. 3, pp. 55-78.